Аксамітны жах

INTERNATIONAL EDITION

м. Гомель 1998 рок, сьнежань месяц. №5 (дапоўнены)

Сёньня, калі тутэйшыя прыбышы і парабкі «пад мухай» інтэграцыі носяцца са сваім доўгарыхтаваным «Славянскім альбомам», мы насьцярожана раскрываем лапезны куцы фаліянт поўны капеечных фразаў, бо ведаем: яны, здаўшыя ў лямбард нашаю старану ва ўдалы час пакладуць пад працэнты і сваё роднае выданьне разам з усёй рэдкалегіяй. Мы «людцы посполитые», пішам свой летапіс нестаравай манэраю, ад рукі, падаючы руку першаму хто скажа: «Шалом Алэйхэм»! У тым наша сіла, людзей рознага роду-племені, сустрэўшыхся на гэтых аксамітных барыкадах.

Пачнем з таго, што наш рэдактар, калі ён у добрым гуморы безупынна адзначае: «Аніколи не ўзяўся бы за друкацыю гэтага твору, як не быў бы ён спрычынены да нашае местачковае сітуацыі». А так, знойдзены ў недалёкае стараверскае слабадзе пры акалічнасьцях амаль анэкдатычных, калі шкаляры, гуляючы ўрок фізкультуры ладзілі самалёцікі з фальклёрных старонак, а дзед Дзмітрый ўжо пасьпеў згарнуць і выпаліць другую зублянку. Ўвесь калектыў рэдакцыі ўзяў чынны ўдзел у акцыі ўратаваньня і ўжо праз гадзіны чатыры пошукаў амаль усё было сабранае даладу, прычым нават лішняе. Лішняе было здадзена ў макулатуру, а тым, што засталося, пане рэдактар цяпер ганарыцца. Ганарыцца гэтым удалым набыткам, створанным у глыбі Расейскай імперыі пад уплывам вуснай казачнай творчасьці, сьвецкай масонскай літаратуры і самадзержаў’я ў перыяд канфлікту Нечарназем’я з Чарназем’ем за чарназём. Ананімны аўтар між тым падрабязна і даходліва падае сітуацыю, ўмела вяжа сюжэтную лінію, лірычна адступае, хоць і вядома, што Расея вялікая і адступаць пакуль няма куды.

Да позьняе начы гарэў агеньчык у рэдактаравай хаціне вабячы мятлікаў і камароў — то слынны наш чалец разьбіраў грымзолі, выпраўляў памылкі, разьбіраўся са зноскамі, пераносамі і пазьнейшымі ўстаўкамі, пазбаўляў тэкст ненарматыўнае лексікі на якую, што і гаварыць, багатая расейская мова і шчыраваў там, дзе вінныя і тлустыя **(ад патэльні — Рэд.)** плямы пашкодзілі літары, сказы, старонкі — выводзіў твор з летаргічнае стомы.

Працягваючы добрую традыцыю распачатую ў адным з папярэдніх нумароў друкуем чарговую частку рукапісу, што, думаю заінтрыгуе нашых аксамітных чытачоў, ды прымусіць іх чакаць новага выпуску з нецярплівасьцю канкістадораў. А я завяршу словамі нашага аўтарытэтнага **(а не аўтарытарнага — Рэд.)** рэдактара:

«Дарагія людцы мае, чытайце ўважліва не прапускаючы словаў, не мінаючы літараў».

Рэдакцыйная калегія.

Чудище обло, позорно, стопорно и хамит...

Ярославский пятистопник

Про Ивана Царевича и серого волка

(Аўтар невядомы)

Он стоял подле камня. Верхом-то верхом, в зерцалах, с саблею, в теплых носках. Кое-что было и наперевес. Подкалиберная, к туловищу приторочённая булава напоминала о себе собой. Играл удилами конь, пожевал да выплюнул, фыркал да икал, переминался с ноги, да не с той с которой встал. Ковырял перстом в ухе, но не он, а тот, что был на нем, смотрел в оба, особенно в тот, который ближе был, лево путал с право, хоть и знал, что одна голова хорошо, а два дурня лучше и утро вечера круче. Золоченый кафтан его в «ангела» расшитый матерями был впору, и с тех пор не вылазил, впопыхах сшитые из гардин штаны-регланы годились вприсест и были слегка приспущены и жеманны, иногда лишь из одного в другое пробегала мышь. С детства росли они вместе, не разлей кумыс, причем... к плечу, ели из одного в порожнее, делили и овес и пирожное, спали где попало и где одеяло. Иван-царевич завернувшись в велюр, а конь отложив аллюр — за семью щеколдами. Батюшка царевича Сам-царь следил, чтоб строго настрогано, ибо не дай Бог мужику панство, а коню чванство. А посему, пока конь лягался, Иван-царевич пол-Европы объездил. Вернулся правда ни с чем измотанный Везувием, достопримечательностями и каретной ездой.

«Ничего не потеряю, коль прямо поскачу» — рифмой сказал он, намекая на окрест. Сроду с темени царевич еще прямо не ездил: все вокруг да около, в каких-то двух милях, в трех каких-нибудь соснах, в четырех несчастных стенах. А теперь отправил батюшка посохом восвояси, страстей наглядеться неписаных, да своё показать украдкою, да и то девчатам. Гамаюны срамным трясли среди холмов, близко прикасались русалки, привычно заманивая в салатовую муть теплыми еще шницелями, демоны гнули свое, одно им понятное. Да все впустую, Иван, как статуя, знай себе едет да пирожками себя потчует, кои матушка всучила в дорогу, буквально вырвав их из цепких лап юродивых, облюбовавших себе и то и другое.

Но вышло боком. Конь, не мечтая даже о рыси, не проскакав и сколь-нибудь отведенных себе шагов, провалился в волчью яму, небрежно не заметив ее, прикрытую какими-то лохмотьями. Упал, да аккурат на волка, дремавшего поотдаль от того самого аккурата, поскрипывая всем своим «Я» от холода. Столкнулись два начала, нашла коса на косу, что-то сдохло в лесу, затрещали сороки, зверь побежал на ловца, сын положил на отца, а то, что по усам текло, оказалось борщом. Сверкнув голым торсом, потрясая стремглавом, явно бравируя садомазохистскими наклонностями и опрелостями, волк обнажил все свои серые штучки и щелкнул зубами (верхний правый третий — кариес, нижний левый пятый западает). Как-то сразу получилось у него съесть животное, кое не то, что глазом моргнуть не успело, (а уж про бровь и говорить нечего) не смогло повести даже тем, чем раньше отчаянно цеплялось за жизнь. Иван же царевич, о котором мною говорилось выше, оказавшись внизу, чин-чинарем от всего отмахнулся, юркнув под коренья, и там уже шептал одному ему известную галиматью. На полутатарской щеке его блестела убогая слеза, теперь уже ни к седлу ни к холоду. Охнул он и осел. Кручина обезобразила лицо, некогда волновавшее не одну не другую, воздействовала на астрал, согнуло то, что некогда топорщилось, невозмутимо мутила. В глазах поплыли зеленые лягухи со стрелами и их собратья пособразительнее и понужнее, ни с того ни с сего во рту оказался привкус. К чему бы это, когда поблизости и курицы не было?

«Разделаюсь, нарушу эволюционный процесс,» — и рука сама собой, а губы все шептали и шептали, даже тогда, когда решительность превзошла всякие ожидания **(Чыста аўтаматычна — Рэд.)**. Неужели не воздымется длань на дрянь, зря ли с детства учили фехтованию безрезультатно, и еще, употребить ли колющее, иль лучше ударить ударным, повредив сам цоколь?

Меж тем, икая и распространяя запах дешевого одеколона, теребя собственный шейный платок, к царевичу придвинулся волк, виновато предвосхищая события, и неожиданно поведал приятным голосом инженера:

— Ты не серчай, — неудачно подмигнул он, сломав обеи, чем обескуражил и без того парня — и на старуху бывает кузина, если нету кобылы сойдет и дрезина. Не ел я с Мощения, да вчера еще проскакал версту попусту, пустил гриву по ветру, а она бумерангом по крестцу. Это сейчас чакры открылись, а раньше... — и он зря махнул, сломав еще две.

— Волк говорящий? — царевич на время даже потерял дар, а когда тот вернулся, волк говорил пуще, да еще как пуще. — Даже конь мой не говорил!

— Знаешь, в детстве никто не подозревал, когда я зевал, что разговаривать буду, — сказав, волк чихнул шевельнув усами, да так ловко, что подумалось, а волк ли это, а потом еще подумалось, но уже не про то.

-А тятенька твой, Михей Падлыч, частенько к нам заваливался на своих каурых. Бывало щелкнет перстами, сверкнет пятками, пожурит маленько остроотточенным, да и одарит нас, глядишь, леденцами, томатами. Я то свои не ел, дятлам отдавал, те меня любили, но не трогали.

Знал, оказывается, волк царевича подноготную, хоть и животное, а имел представление где овес, а где варенье.

«Вот ведь каков, — давался то и дело диву тот, от которого и требовалось-то всего-навсего. Волк-то волк, а сколь рассуждает многомудро. Это тебе **(цікава каму? - Рэд.)** не тятинкины лебезятники-библиографы, тут чувствуется на худой хребет Пошехонская гимназия, я уж не говорю о том, чего молчу. Этого не собьешь с пути бабьим кринолином и кружевами ниже линии оседлости, этот выдавливает из себя клопа, как учили, учили и еще раз учили нас старшие, хотя я зоологию с детства терпеть не мог, все по нужде выбегал из классов, а учителя, те самые любимые мною, терпели нужду.»

А что волк? А волк расхрабрился, кое-где даже расфуфырился: нога за ногу, слово за слово, камень за пазуху, пазухи носа гайморит средней тяжести второй степени прошедшего числа мужского рода инкогнито, нужно ли говорить, что говорил он в нос даже с близкими ему людьми.

Говорит волк (а это само по себе заключение врача):

— Ты вспомни, Иванушка, прошлое «и примешь ты смерть от коня своего» — как с твоими предками эти самые кони поступали, каких гадюк они у себя на груди грели* **(хто, продкі ці коні? — Рэд.)** То ли дело мы, волки, куда более во всех отношениях, нежели туда менее во всех остальных присестах и карьеристах.

— А хватка? — вопрос аккурат на самых устах у царевича.

— А хватка? — вторил хор животноводов.

— А хватка у нас от недостатка, — подумав, волк воздел к небу конъюнктивитные свои — от недостатка витаминов.

И так случилось, что пожалел царевич волка, а волк царевича. Не быть фаршу мясному, а дружбе быть вечной и никакой бычий цепень не вторгнется в этот дуплет. Вот она, вечная тема — зверь и человек (не при леще будет сказано), уж и солнце садилось пренебрегая, ветер трепал и затрепал таки не одну, где-то в ризнице далекой звучал гобой, собирая тучные стада в еще более тучные, а оне все держались один одного, положив то глаз, то отложив до утра.

Тогда-то и соблазнил волк несовершеннолетнего (по Фаренгейту) неоформившегося драгуна лишь слегка декорированного месячной щетиной: «А поедем Иванушка за тридевять в тридесятое искать вдесятеро большего?» Заманчиво было предложеньице, приправленное неземною, нечеловеческой любовью, так, что хоть рыбой кричи — никто не услышит. А ведь верно: у волка логика и знакомства в лесах, у Ивана — военная атрибутика, в строю он ей-ей не засмеется, правда слюною брызжет, но это не более двух-трех метров, спят оне оба мордами к стенке, да и храпят, как потом выяснилось, тоже обое, по часовой стрелке. Отчего же не состыковаться?

«А на чем поедем?» — хныкал царевич как пятнадцать лет спустя.

Мы не можем сказать, что ответил ему млекопитающий и молоколюбящий спутник, не можем мы и сказать, кто кого был тогда старше, ибо все уже умерли, даже черепахи, мы вообще мало что можем. Ясно одно, поехали оне на волке, причем царевич восседал сверху, и, как утверждали случайные свидетели, забредшие на грибные кучи, вид был у него еще тот...

«Мимо, мимо всего этого,» — шептал волк не оглядываясь, а если и оглянулся, то увидел бы, что когда проезжали речкою кто-то вскрикнул, но не он, а если даже и не вскрикнул, хуже стало только нудистам. Брезжил рассвет (слово-то какое — «брезжил»), ноги вязли в чем-то, но в чем? Ничего не предвещало, а проснувшись было насекомые только о том и думали, что бы нажраться да породить подобных себе. Природа преподносила сюрприз за сюрпризом: то ветер с бризом, то башню с карнизом и низом, низом дым с коромыслом, то бабу с ведром да под градусом, а то и вовсе отбившихся от своих парней-упырей из которых только один догадался отползти в сторону. И вообще здешние нравы — это как если бы на месте Кремля сделалось бы плохо, а то что у иных народов по другому здесь именовалось срамным, ну хоть анализы сдавай. Между прочим за одно за это, где-нибудь на Кузбассе отходили теплой еще коновязью или хлеб-соль заставили на морозе жрать.

А в это время над Русью сгущались, славянскую колыбель лихорадило и мордовало, мордва рвала на себя, коми, кому сказать — засмеют, финны сделали из Маннергейма линию и стали озерным краем, а Минск поднялся из руин и теперь тяготел... Короче все то, что под свист розг теперича можно прочитать в учебниках, тогда в каждом вызывало и все мирное малодушие пряталось в щелях самообороны.

---

* У эпоху Кіеўскай Русі гадзюкі былі куды болей атрутныя чым цяпер.

«Я этнический русский волк, я никому не позволю топтать родной Можайск! — И он начал с постулатов, постулатами и закончив, да так ловко, что царевич не заметил, как проснулся, — Слышите, никому!» Но никто не слышал, а волк все равно не позволял. А потом добавил про себя, хотя нет, все-таки про царевича: «Странный человек этот Иван-царевич; (а человек ли?) малоподвижный как раковина, сколько ехали, все на мне, все время не вылазя из стремя ел, но ни с кем не делился, пачкался но не мылся, купался но не утонул.»

И все бубнил: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу... — но кроме того, что бубнил, он ещё и приговаривал — Ничего, бу-бу-бу, будет и на нашей улице снегоуборочная машина...» Действительно, в наш век моторов всё возможно, возможна и минутная слабость и сладкая ложь и ложная сыроежка. Да, так бывает, завертится вдруг колесо, распахнутся двери СИЗО и Фортуна облачится в изысканный бюстгальтер.

«Мы будем у самой удобной лоханки, — таково было продолжение сих измышлений — и академик Павлов ещё пожалеет, что вставлял стеклянные трубочки собачкам в животики и морил их голодом, пугал электричеством, показывал Циолковскому.» Сказал, и смерил взглядом царевича, да видать ошибся в размерах: «А вдруг он с Павловым знаком или о методе его наслышан?» Но царевич, если и был знаком, то уж, поверьте, в одно ухо влетело, ушатом огрело, ухватом припекло да через калитку выперло и пёрло, пёрло по улице. А Павлов, если и представлялся, то ряженым, коих тятенька дюжинами запрягал в свои триумфальные розвальцевальни. Одних хлопушек было хлопнуто тысяч на семь рублей серебром.

Иван же царевич весь в грёзах, как полярник во льдах, как столяр в занозах, как шофер в тормозах; что поделаешь, бьется под лацканами пылкое сердце, живое как конь, и мечтает о прекрасной незнакомке красивая голова, мозг-мудрец, да холёный лобок. Да, парень не промах, а ежели и промах, то впопыхах, не в бровь, не в глаз, так в пах, порохом пропах, ведь ежели порох в пороховницах, то светлячки в светлицах, а красна девица — на спицах; и действует этот парень по схеме: крест—могила—богатырская сила, по схеме нынче почти забытой. И уж было хотел пришпорить он нижнего своего, как это раньше бывало, что называется «вонзить в бока», но пока... спохватился, очухался, если хотите, протрезвел если не хотите не читайте, вспомнил, что под ним не верный конь, а зверь лютый и знаком с ним едва-едва, с Е-4 на G-6, через пень колоду, дыбом шерсть, алая пасть — только ассигнации класть, видно губа не дура, а работа — халтура. Да и если честно сказать: ноги ниже пуза болтаются, а то, что болтается сами знаете на что начинается. И уж точно знаю: в ногах правды нет, если ты царевич, а не предмет.

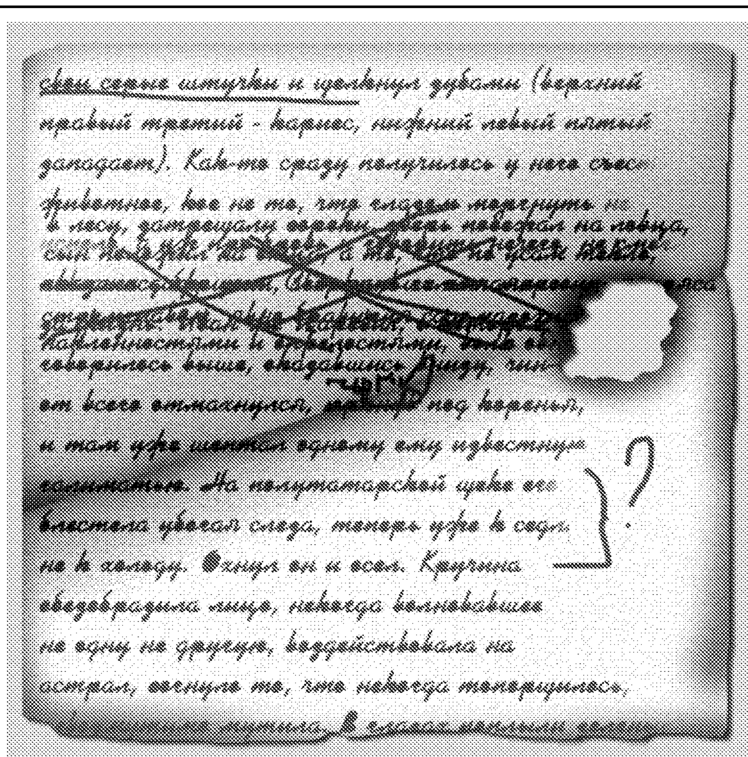
Но волк хребтом чувствует как царевич критически его оценивает и слово молвит: «Завидую я вам, молодым, но ничто молодое не вечно, как не чуждо мне человеческое. Вам — торты со свечами да цукатами, вам — лыжи да коньки (пожалуйста, только за буйки не заплывайте) и, наконец, барышни ведь и на вас обращают, вам в рот смотрят, а во рту сам посуди что? Язык — враг твой.

(Твой? — удивился царевич)

(Мой? — удивился волк)

Зубы, забывшие и грецкие орехи, и кулачные потехи, да и палец вам в рот не клади того и гляди угоди пальцем в нёбо, а то что от зубов отскакивает, так это эмаль. «Так говорил он себе под нос (нос — друг мой) будто окна заколачивал и понимая, что так продолжаться не может он тем не менее продолжал, все бежал и бежал...

Долго ль оне скакали, коротко ль были подстрижены когти у волка, коль уж о них речь зашла в тупик, выбрались из тупика, где косяками дымили неизвестные в джинсах, а вслед за ними неслась, как водится на Руси, людская молва, где на перекладных, где на панибратских. И уже через день обо всем этом можно было прочесть в первых русских газетах, если не заворачивать в них бутерброды...

свои серые штучки и щербатые зубами (верхний правый третий - кариес, нижний левый пятый западает). Как-то сразу получилось у него [illegible]
[illegible]
от всего отмахнулся, [illegible] под корень,
и там уже [illegible] одному ему известную [illegible]. На полутатарской щеке его
блестела [illegible] следа, теперь уже в седле
не в холоду. Очнулся он и осел. Кручина
обезображенная лица, некогда волновавшая
не одну не другую, воздействовала на
острал, вспомнив то, что некогда толпилось.
[illegible]

Адзін з кавалкау рукапісу. Фота А. Гімалаеу

На гэтым кавалак рукапісу пазначаный часткай першай скончваецца, пакінуўшы глухі вузел сюжэту заінтрыгаваўшы да потных далоняў не аднаго дасьледчыка роднага шурына маей жонкі, зацікавіўшы ня толькі аматараў жывога народнага «Я», але і тых, хто цісьне гэтае «Я» да памераў малое літары, паслугачоў антынароднага ўраду. Можна перараканаўча сьведчыць, што чыстае слова, якое перадавалася з вуснаў у вусны, з рук у рукі, цераз пень-калоду падорыць вам асалоду.

Дарэчы, што тычыцца перадачаў: рэдакцыйная рада выступіла з прапановай перадаць гэты твор пасьля ўсіх публікацыяў расейскай братняй старане, але не кіруючыся альтруістычнымі поглядамі, як гэта было раней, а мяняючы яго на хоць бы адну з гармат Нясвіскага замку перахоўваючыхся ў С.-Пецярбургскім артэлерыйскім музеуме. Спадзяемся, што для братніх народаў гэта не праблема і пытаньне мусіць быць урэгуляванае тэлефонным званком.

Калі нумар ужо лег на мантажны стол у памяшканьне друкарні ўляцеў верхавы казак і распавеў, што некалькі гармат з пецябургскага музеума ўжо пагружаныя на цягнік, які накіроўваецца ў нашу старонку, праўда кажуць, што гэта гарматы з Менскага, а ня Нясвіскага замку - дык справа за малым. Пра гэта чытайце ў наступных нумарах «Аксамітнага Жаха» **(ўклейка наша - рэд.)**

Про Добрыню

Ой, то не гром гремит, не смесь гремучая, то не белуга ревет фугою, не фрезою-дерезою березовою. То Добрынюшка, добрый молодец под воротами с отворотами, под воротами Коломенскими с третьими петухами ломится. Отверз алый ротище, анонимно помахал кулачищем с наколочкой "Утро", в щепу воротце зелененькое разбиват. На шеломе хризантема приторочена алая, на забрале следы дамской помады, на обшлагах – автографы, глиняными талисманами увешан будет, руки в ладонях, грудь – в орденах. Все девки по ем с ума сходют, но ни одной сойти не дал, не сойти мне с места, не лишил барышень девства, а ребят с пострелятами спутал. Так оне теперича и маются, майского жука пугаются, мыкаются и шокируются.

Стража продрала очи, вроде легче стало, глядят с башенки да и раздумывают: "Скинуть бревно на чело его стратегическое, иль чаю поднесть?"

Звонят в палаты воеводские: "Так, мол, и так, мал золотник, дорог полтинник, а нужен пятак, батюшка ты наш, барин (оглобля тележья), чево делать, как быть-поступить?"

А дядька Беломор качается в кресле-каталке, чай не в катафалке, чай попивает, в бой морской играет да приговаривает: "А чево вы более хотите, кабы постращал своею пятипудовою трофейною, аль обнял аки братьев? Намедни в Абрамовом посаде с легкостию столбом телеграфным орудовать изволил..."

Стража – известное дело – прячет улыбку в бородах, так, что слышно как в брюхе живот урчит. А воевода тем временем морской бой отбросил, кому-то на ногу уронил, а принялся с цыганками в карты перебрасываться, в поддавки, и многих подавил, а подавляя приговаривал:"Так умаслите его, жопино племя!"

– Маслом кипящим облить, что-ль?

– Да покуда вы масло вскипятите, яичницу надо уж будет на стол ставить.

При этих словах упоминания у стражников потекли слюнки и так обслюнявились оне аки дети малые, прям на кольчуги, кое-где уже поточеные молью. Конечно, ведь со вчерашней Виктории маковой соломки во рту не было, а устали так, как будто весь день тягали мешки с насекомыми.

А Добрынюшка все серчает, кулачищем махает, а кулачище у ево – "Во!" – явно не горчичники ставить, сапожками тупотит, нет-нет да и вставит свое татаро-монгольское эхо... Корчит из себя неизвестно что, а даже если и известно, то что? Словом корчится в предсмертных татуировках. Видят стражники – дело дрянь и дустом посыпан путь сей. Сейчас зовут колдуньюN, благо она была еще при смерти да при полупамяти и прибежала скоро на полиартритных своих с атласами, справочниками да двух робят-фармацевтов с собой из людской прихватила. Те двое сзади едва-едва, от страха все рецепты позабывали, но тащат-волокут сетку зеленых бутылок.

"Вот, – говорят стражники, а у самих слезы на глазах, порох в пороховницах, а в крови, как водится – алкоголь, – поди сломает инжинерное сооружение, а пристрелить ево, кто тогда за Русь-матушку бусурманов матерями обложит, как оне нас данью? Одна на тебя надежда, на твои штучки неопрятные, придумай тут сейчас какой пеницилин, чтоб ему смутьяну пуще внутривенного стало."

Старуха тут-же кивнула чем-то, выхватила авоську у хлопцев так, что оне аж попадали, бутылками звякнула для приличия по теореме Пифагора, одобренной Сенатом – намутила зелья подорожниково-придорожного приворотного цвета болотного, противорвотного, написала, что внутреннее и запашок придала знакомый еще с совершеннолетия. Только последний раз пшикнула, Добрынька вошед через пролом, изломав декорацию, взмахнул десницею – сразу несколько повалилось с повреждениями, другой волю дал – остальные пали с ссадинами да ушибами, но старуху не тронул, побрезговал. Вспомнил поди, как она тому назад желчный камень на наждачный заменила.

"А что это, мать, у тебя в бутылке?" – только и успел вымолвить, как уж присосался, но как-то не по-русски – и в рот попало и по усам не текло.

И как только он выпил, враз красной девицей обернулся. А стражникам только тово и надо...

З фондаў Я.П. Стывенсана

Якаў Пятровіч Стывенсан — эпічны чалавек, які захоўвае ў сваім прыватным архіве гэтыя рукапісы (N PC 467/48), якія гасьцінна прадставіў для чытацкай аўдыторыі, філянтроп энцыклапедычных памераў, дасьледчык значнасьці папросту касьмічнай, жыве ў звычайнай дзьвохпакаёвай кватэры, два пакоі якой займае архіў і бадай самая багатая на Беларусі, а мо й у краінах СНД калекцыя млыновых жорнаў.

Падрабязьней знаёміцца з гэтаю легендарнаю асобаю мы будзем у наступных нумарах, пагатоў, што газэта карыстаецца правам друкаваць архіўныя матар'ялы, а іх яшчэ столькі, што, відаць, і сам Якаў Пятровіч кепска ведае іх дакладную колькасьць.

«Якаў Пятровіч — запытаўся рэдактар, узяўшы у рукі вышэйузгаданы тэкст, — а гэта мусіць штосьці цікавае, шмат закрэслена, шмат перапісана занава, мацюкоў багата, вось бы з гэтым папрацаваць, а?»

Якаў Пятровіч, які ўвогуле не надта любіў пагаварыць, кажа: «Ну возьми, горюшко, поработай, только не испорти, это ведь знаешь что? Это ведь очень цельная монолитная вещь!» **(вызначана мною. Рэд.)**

І зноў да позьняе начы у рэдактаравай хаціне гарэў агеньчык... ля манітора...

Рэдактар: Т.Буль-Бутэліч; Макетоўшчыкі: Алеська Марцін, Ю.Дынкін; Мастак: А.Скідан. © Арыгінальна idea: Творчая кампанія вольных мастакоў "Магілка". Кант. тэл. 485-914, 488-990; Наклад: ас. Папера афсэтная. Друк трафарэтны. Выдана ва Усходняй Эўропепры падтрымцы «Талакі».